

поведение может быть одинаково «приписано» и представителю «своей», и представителю «чужой» расы. То есть, внутригрупповой фаворитизм, по-видимому, не срабатывает на ранних этапах моральной оценки действий у носителей монгольской культуры.

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ и МинОКНС Монголии в рамках проекта № 16-23-03005-ОГН «Авто- и гетеростереотипы у коренных малочисленных народов Монголии: культура, язык, самоидентификация».

Литература

1. Clifford S., Iyengar V., Cabeza R., Sinnott-Armstrong W. (2015) Moral foundations vignettes: a standardized stimulus database of scenarios based on moral foundations theory. *Behavior Research Methods*. 47(4): 1178–1198
2. Eden A., Oliver M.B., Tamborini R. (2015) Perceptions of Moral Violations and Personality Traits Among Heroes and Villains. *Mass Communication and Society*, 18: 186-208. DOI: 10.1080/15205436.2014.923462;
3. Fiske S.T., Cuddy A.J.C., Glick P., Xu J. (2002) A model of (often mixed) stereotype content: Competence and warmth respectively follow from perceived status and competition. *Journal of personality and Social Psychology*, 82: 878-902. DOI: 10.1037//0022-3514.82.6.878
4. Grizzard M., Huang J., Fitzgerald K., Ahn C., and Chu H. (2017) Sensing Heroes and Villains: Character-Schema and the Disposition Formation Process. *Communication research*, 45(4): 479-50 DOI:10.1177/0093650217699934
5. Haidt J., Joseph C. (2007) The moral mind: how 5 sets of innate moral intuitions guide the development of many culture-specific virtues, and perhaps even modules. In P. Carruthers, S. Laurence, & S. Stich (Eds.), *The innate mind* (Vol. 3, pp. 367-391). New-York, NY: Oxford
6. Just, M. A., & Carpenter, P. A. (1980) A Theory of Reading from Eye Fixations to Comprehension. *Psychological Review*, 87, 329-354

Власов М.С.¹, Шкуропацкая М.Г.¹, Исаева И.П.¹

¹АГГПУ им. В.М. Шукшина (Бийск)

vlasov@bigpi.biysk.ru

КАК НОСИТЕЛИ РУССКОГО ЯЗЫКА АНАЛИЗИРУЮТ ПРИ ЧТЕНИИ МНОГОЗНАЧНЫЕ КОНТЕКСТЫ? ДАННЫЕ ДВИЖЕНИЙ ГЛАЗ

К настоящему времени многочисленные когнитивные исследования лексического компонента языка в русле онлайн-подхода позволили ученым выявить достаточно устойчивые факторы когнитивной обработки многозначных слов в процессе их распознавания (частотность значений, длина слова, возраст усвоения слова, контекст и др.). Предполагается, что контекст не оказывает непосредственного влияния на обработку многозначных слов, хотя влияет на обработку предложения в целом, что может сказаться о скорости доступа к одному из значений многозначного слова в том или ином контексте. В нашем исследовании ставилась задача с помощью метода регистрации движений глаз установить влияние семантического прайминга на процессы обработки многозначного слова русского языка в предложении с учетом семантической близости прайма и лексико-семантического варианта (ЛСВ). Эксперимент опирается на работу М.В. Фаликман и А.Я. Койфман (2005). Исследовалось влияние ассоциативного прайминга на сравнение и кластеризацию значений многозначного слова. В качестве праймов у многозначных слов русского языка, выбранных из работы (Lorukhina et. al., 2018), использовались квазисинонимы к тому или иному ЛСВ, извлеченные с помощью сервиса *AdaGram* (<http://adagram.ll-cl.org/>). В качестве критерия отбора квазисинонима выступала достаточно высокая семантическая близость прайма и актуализируемого ЛСВ в целевом стимуле.

В эксперименте приняли участие 12 испытуемых (женщин 9, мужчин 3, средний возраст 39 лет), которым были предъявлены стимульные блоки, содержащие многозначные слова в разных ЛСВ – прямых, метонимических и метафорических значениях. Каждый блок

предварялся ассоциативным праймом, в качестве которого использовался квазисиноним к одному из ЛСВ в целевом стимуле (это мог быть либо ЛСВ из второго, либо ЛСВ из третьего контекста). Контексты, актуализирующие то или иное значение многозначного слова, предъявлялись попарно (например, «*Защитить накладной карман на рубашке. Заехать в карман около магазина.*»). Третий (непарный) контекст употребления слова предъявлялся для получения ответной, осознанной реакции испытуемого в трех возможных условиях (прямом, метонимическом или метафорическом значении). Вопрос для испытуемых звучал так: «Как Вы считаете, во фразе «Это мне не по карману» слово «карман» употреблено в том же самом значении, что и в любой из предыдущих фраз?». Испытуемый должен был решить, употреблено ли слово в третьем контексте в том же значении, что и в любом из двух предыдущих контекстов. Таким образом, у него было два возможных варианта ответа: «да» (при конгруэнтном условии) или «нет» (при неконгруэнтном). Соответственно, полученный ответ испытуемого сличался с условием предъявления всех трех стимулов: при совпадении значения слова в третьем контексте с любым из двух предыдущих контекстов ответ считался правильным, при отсутствии совпадения значений – неправильным.

Когнитивная сложность эксперимента заключалась в нагрузке на рабочую память испытуемого, а также актуализации его активного и пассивного словаря (известно, что малоиспользуемые ЛСВ многозначных слов воспринимаются и актуализируются индивидом не симультанно, а сукцессивно, таким образом вызывая бóльшие когнитивные усилия).

Для анализа параметров движений глаз использовалась методика измерения по зонам интереса (*region-based measures*), которая предполагает анализ таких параметров чтения, как время первого прохода, время второго прохода, общего латентного времени чтения (фиксаций) и регрессий. В исследовании проверялся также *эффект сворачивания* (*wrap-up effect*), установленный Китом Райнером (Rayner, et.al. 2000). Он заключается в том, что читающий склонен к более длительным фиксациям и замедлению темпа чтения на границе предложений, а позднее данный эффект установлен и на границе клауз. Предполагается, что на данных границах происходит постлексическая стадия обработки многозначного слова, процесс интеграции ЛСВ в контекст (Chernova & Chernigovskaya, 2012). Стимулы были разбиты по зонам интереса по схеме: 1 – *первое предложение*, 2 – *второе предложение*, 3 – *целевое слово (ЛСВ1)*, 4 – *зона «сворачивания»*, 5 – *целевое слово (ЛСВ2)*, 6 – *зона «сворачивания»*. Эксперимент проводился с помощью системы регистрации движений глаз SMI RED 500. Все испытуемые успешно справились с заданием (процент правильных ответов составил 89%).

Для анализа параметров движений глаз при чтении двух конкурирующих контекстов применялась однофакторная ANOVA с фактором номера предложения (первое vs. второе). Анализ параметров движений глаз в процессе чтения каждой пары предложений показал, что первое предложение испытуемые читали с большим количеством фиксаций, причем значимо больше времени занимало время *первого прохода* (*first pass*, то есть длительности всех фиксаций до момента, когда взгляд покидает зону интереса в любом направлении), при этом сумма фиксаций при втором и последующем прочтении значимо не различалась. В целом, это может говорить об отрицательном влиянии прайма, который всегда давал либо «подсказку» ко второму предложению, либо ни к одному из них (в последнем случае, в третьем контексте значение слова являлось отличным от первых двух контекстов).

Анализ различных параметров в пределах разных зон интереса показал отдельные значимые результаты по всей выборке. Так, самое большое количество прогрессивных фиксаций установлено в зоне интереса 4 (граница первого предложения). Следующим по количеству фиксаций оказалась зона интереса 5, а количество фиксаций в зоне интереса 6 не отличалось от среднего количества фиксаций не критических зон интереса (0). Регрессивные фиксации испытуемые чаще совершали из зоны интереса 4 в зону 3 (ЛСВ1). Все указанные различия зафиксированы на статистически значимом уровне ($p < 0,01$) по t-критерию Стьюдента.

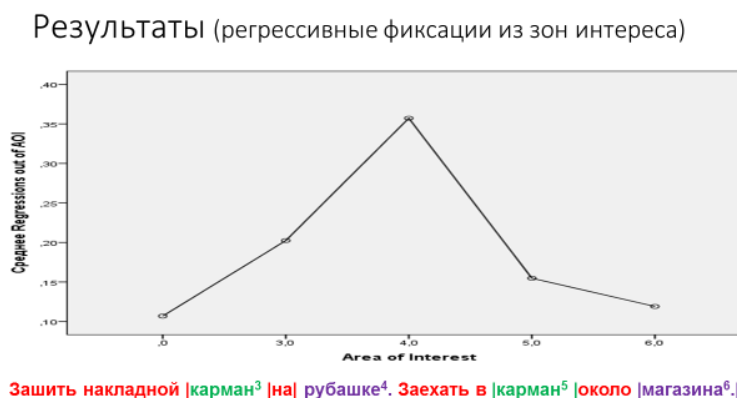
Рисунок 1. Сравнение среднего количества прогрессивных фиксаций по зонам интереса по t-критерию Стьюдента

Рисунок 2. Сравнение среднего количества регрессивных фиксаций в зоны интереса по t-критерию Стьюдента

Рисунок 3. Сравнение среднего количества регрессивных фиксаций из зон интереса по t-критерию Стьюдента

Время первого прохода возрастало до зоны интереса 5 (второй критический фрагмент, ЛСВ2), а после этого взгляд испытуемого чаще всего возвращался к зоне 4, то есть границе первого и второго предложения. При попарном сравнении средних значений зависимых переменных по критическим зонам 3 (ЛСВ1) и 5 (ЛСВ2) статистически значимых различий в латентном времени прогрессивных фиксаций, времени первого прохода и времени всех фиксаций обнаружено не было. Исключение же составляет количество регрессий и латентное время регрессивных фиксаций: в зоне 3 данные параметры значимо выше, чем в зоне 5.

Наибольшее количество статистически значимых различий получено по зонам интереса 4 и 6 (зон «сворачивания»), представляющих собой последние слова каждого предложения, на которых, вероятно, протекает постлексическая стадия обработки ЛСВ и актуализации дискурсивной информации. Поскольку эффект сворачивания наиболее отчетливо проявляется в измерениях поздних процессов когнитивной обработки, то нам представляется необходимым акцентировать внимание на различиях во времени второго прохода (second pass duration): данный показатель оказался значимо больше в зоне 4, чем в зоне 6 ($F(1,166)=18,37$, $p<0,0001$).

Что касается выявления значимости эффекта прайминга на указанный «эффект сворачивания», то его можно оценить по влиянию условия предъявления стимула на параметры чтения «зон сворачивания» (зон 4 и 6). Для этого была построена общая линейная модель с факторами «условие предъявления стимула» (один контекст конгруэнтен прайму vs. оба контекста неконгруэнтны прайму) и «зона интереса» (зона 4 vs зона 6). Напомним, что прайм представлял собой квазисиноним для более близкого ассоциата (например, связь прайма *взрыв* и цели *очередь (пулеметная)* реализуется через общий квазисиноним *выстрел*). Предполагалось, что в случае прайминг-эффекта будет наблюдаться в увеличение эффекта сворачивания в конце второго предложения (в зоне 6) в конгруэнтных условиях предъявления стимула (при «поддерживающем» прайме).

Построенная общая линейная модель показала довольно низкий коэффициент $R^2 = 0,103$, позволяющий «объяснить» только 10% дисперсии для латентного времени второго прохода и немного меньший процент для времени первого прохода ($R^2 = 0,09$). Взаимодействие факторов условие и зона интереса не показало статистически значимого результата. Однако был обнаружен значимый эффект условия предъявления стимула (конгруэнтное/неконгруэнтное) на увеличение латентного времени первого прохода в двух зонах интереса. Время первого прохода в зонах 4 и 6 оказался статистически различным в двух разных условиях предъявления стимула ($F=6,015$, $p=0,015$).

То есть на ранних этапах обработки лексической информации, при обнаружении лексико-семантических вариантов, не соответствующих прайму, испытуемый медленнее распознавал контексты в двух предложениях, усиливался эффект сворачивания на границе анализируемых предложений.

Результаты исследования показали, что обнаруженный прайминг-эффект проявляется, прежде всего, в увеличении (при неконгруэнтном условии) или уменьшении (при конгруэнтном условии) времени первого прохода при чтении конечных элементов предложения, тесно связанных с эффектом сворачивания. Сам же эффект сворачивания в этом случае, скорее всего, связан с постлексической стадией обработки многозначного слова, интегрированного в контекст. Более значимой для правильной кластеризации лексико-семантических вариантов многозначных слов в условиях эксперимента для испытуемых оказалась граница между первым и вторым предложением, а не конечный фрагмент второго предложения (конец стимульного блока).

Ближайшая перспектива работы представляется в русле сравнения эффектов ассоциативного и категориального прайминга на процессы кластеризации значений многозначного слова в русском языке, а также с учетом семантического расстояния стимулов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00437 «Многозначное слово в сознании носителей русского языка».

Литература

1. Фаликман М. В., Койфман А. Я. Виды прайминга в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2005, №3, с. 86-97.
2. Rayner K., Kambe G., & Duffy S.A. (2000) The effect of clause wrap-up on eye movements during reading. Quarterly Journal of Experimental Psychology, 53A: 1061-1080.

3. Chernova, T. Chernigovskaya, T. Eye-movements as an indicator of contextual integration process while reading: evidence from Russian // Experimental Psycholinguistics Conference (ERP), Madrid 7-9 November 2012, U.N.E.D.

4. Lopukhina A, Laurinavichyute A, Lopukhin K and Dragoy O (2018) The Mental Representation of Polysemy across Word Classes. *Front. Psychol.* 9:192. doi: 10.3389/fpsyg.2018.00192

Жукова Т.В.

zukowat@mail.ru

АГГПУ им. В.М. Шукшина (Бийск)

К ВОПРОСУ ОБ АССОЦИАТИВНОМ ЗНАЧЕНИИ СЛОВА

В исследовательских работах, посвященных изучению феномена ассоциативного значения, существуют разные точки зрения на природу его появления. Как считает С.Л. Рубинштейн, «образование ассоциации – это, по существу, процесс, в котором одно явление приобретает значение сигнала другого явления» (Рубинштейн, 1997, с. 136).

Существование ассоциативного значения обосновывают определенным типом знания, содержащемся в слове-лексеме, – «ближайшим» (языковая часть информации, известная всем носителям данного языка) и «дальнейшим» (экстралингвистическая информация и индивидуальные ассоциации) (Потебня, 1958).

Часть ученых связывают ассоциативное значение с коммуникативным потенциалом слова. Под коммуникативным потенциалом слова понимается «все, что обуславливает готовность его участвовать в общении в качестве элемента высказывания – носителя определенного «кванта знания» и «прагматического заряда», т.е. основные лингвистические параметры слова, его связь с другими лексическими единицами, предметно-логическая соотнесенность, тематико-ситуативные и оценочно-прагматические связи» (Болотнова, 1992). Ассоциат – это лишь часть коммуникативного потенциала слова, определяющаяся интенциями говорящего, своеобразием его концептуальной и языковой картин мира.

А.А. Залевская, изучая специфику индивидуального лексикона, считает, что «слово при его функционировании выполняет роль, сравнимую с ролью лазерного луча при считывании голограммы: оно делает доступным для человека определенный условно-дискретный фрагмент континуальной и многомерной индивидуальной картины мира во всем богатстве связей и отношений, полнота которых обеспечивается в разной мере осознаваемой опорой на прямые и/или опосредованные выводные знания и переживания разных видов» (Залевская, 1999, с. 245).

О.И. Глазунова, выявляя роль ассоциативно-образного мышления в процессе познания, отмечает «ассоциативную направленность мышления» и связывает ее с рефлекторной теорией как учением о замыкании связей и, таким образом, считает, что эта направленность предопределяет взаимоотношения индивидуума с объективной реальностью и имеет не только психическую, но и физиологическую природу (Глазунова, 2000). В связи с этим, любой объект действительности и, следовательно, понятие о нем, зафиксированное в сознании, имеет различные формы реализации.

В трудах Н.В. Крушевского ассоциативные взаимоотношения определяют развитие и существование лексических языковых единиц: «каждое слово связано двоякого рода узлами: бесчисленными связями сходства со своими родичами по звукам, структуре или значению и столь же бесчисленными связями смежности с разными своими спутниками во всевозможных фразах» (Звегинцев, 1964, с. 291).

Таким образом, ассоциативное значение слова – это сложная структура, включающая единицы, связанные ассоциациями различного вида по сходству, по смежности, при этом ассоциативные признаки, актуализирующиеся во время номинации, соответствуют денотативным, коннотативным элементам слова-стимула (ассоциата).